

В свое время князь А. А. Васильчиков писал: «С какой-то болезненною поспешностью самодержец всероссийский, первый сын, и даже, как он воображал себе, глава православной церкви, женатый, отец семейства, провозгласил себя гроссмейстером Мальтийского ордена, основами которого были безбрачие и латинство»²⁴.

Можно полагать, однако, что Генеральный капитул ордена имел более отчетливое представление о его «основах», а Пушкин располагал об истории ордена и о мнимой «поспешности» Павла более точными сведениями, чем князь Васильчиков. Русская общественность хорошо знала, какое значение придавал Павел I деятельности всех командорий великого приорства Российского. Орденские мундиры, а также ордена св. Иоанна Иерусалимского (патрона ордена) были постоянно видны при русском дворе. Представляется также несомненным, что Пушкин в той или иной мере понимал «герметический» смысл действий великого капитула древнего ордена иоаннитов,— так же, как Данте понимал сокровенную сущность учения тамплиеров, покоившегося на ненавистной церкви дуалистической основе.

Д. Д. Благой не раз подчеркивал стремление «русского Данте» опираться на фактически-достоверный материал во всех произведениях, в которых Пушкин обращался к прошлому. И личность Яна Потоцкого, мальтийского рыцаря-караваниста, мыслителя, ученого и художника, привлекала Пушкина по многим причинам, в частности же потому, что имя автора «Рукописи, найденной в Сарагоссе», было, как можно предположить, связано с неосуществленным замыслом трагедии о Павле.

Н. Н. Петрунина

*

О Петербургском тексте «Истории Пугачева»

Первое документальное свидетельство работы Пушкина над «Историей Пугачева» относится к началу февраля 1833 г., а 22 мая помечен набросок ее эпилога. Несколько раньше, 8 мая Н. В. Гоголь писал М. П. Погодину: «Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу

²⁴ А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских. СПб., 1882, т. III, стр. 284.

пропасть! Совершенный роман!»¹ Основываясь на этих двух датах, исследователи (Ю. Г. Оксман, В. Л. Комарович, А. И. Чхеидзе) полагали, что 22 мая была закончена первая, петербургская редакция «Истории», существенно отличающаяся от последующей, болдинской.

Однако практически петербургская редакция «Истории» осталась неизвестной. С ней связывались три разрозненных черновых наброска: предисловия, фрагмента первой главы и эпилога. Скучность материала оставляла широкий простор для догадок и предположений. Высказывалась гипотеза, что главное отличие петербургской редакции от позднейших было концептуальным: в Петербурге, ограниченный кругом официальных свидетельств, Пушкин не располагал еще объективными данными о размахе крестьянской войны и ее движущих силах. Нужна была поездка «по следам Пугачева», освоение новых источников, чтобы социально-историческая мысль историка приобрела то направление и ту ясность, которые знакомы нам по окончательному тексту «Истории»².

Тщательное изучение «пугачевских» рукописей Пушкина дает новый материал для суждений о первоначальном тексте «Истории Пугачева». Петербургская редакция исторического труда Пушкина не была редакцией в обычном смысле слова. Это был подготовительный текст, основу которого составляли многочисленные заметки, конспекты и копии документов, сделанные Пушкиным в процессе изучения исторических источников, по преимуществу книг Военной коллегии. Весь этот дробный материал был тщательно сгруппирован Пушкиным по годам и месяцам. В совокупности он представлял хронику основных событий крестьянской войны от первых успехов Пугачева до его казни. Выписки и заметки Пушкина дошли до нас и напечатаны Комаровичем в IX томе академического издания сочинений Пушкина под общим названием «Помесячные выписи из архивных дел»³. Они охватывают весь период, изученный Пушкиным-историком пугачевщины, — от сентября 1773 до августа 1774 г.

Исследователи, начиная с Комаровича, видели в «помесячных выписях» лишь группу подсобных материалов, не подозревая, что перед ними свод, явившийся главным результатом работы Пушкина до отъезда из Петербурга. Документальной хронике, которая составляла основной корпус заготовок для «Истории», были предпосланы конспекты печатных источников, содержавших сведения о крае и об истории яицких казаков до появле-

¹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. X. М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 269.

² Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, стр. 42.

³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IX. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938—1940, стр. 617—679. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.

ния Пугачева. Замыкал же свод эпилог, повествовавший о поимке и казни «славного мятежника». Вот почему отрывки связного текста, уцелевшие от петербургской редакции, относятся к началу и концу «Истории», а не к ее центральным главам.

Реконструируемый таким образом первоначальный текст «Истории Пугачева» обнаруживает очевидное сходство с дошедшими до нас подготовительными материалами другого, незавершенного исторического труда Пушкина — «Истории Петра I». Это также хроника, только построенная не по месяцам, а по годам, в соответствии с иной хронологической протяженностью изучаемого исторического явления.

О назначении и характере материалов по истории Петра давно ведутся споры. Долгое время в них видели всего лишь конспекты «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова. Иную точку зрения развил и обосновал И. Л. Фейнберг. По его мнению, материалы для истории Петра не просто конспекты, а «черновая конструкция» будущей книги: в них сказались результаты критического анализа источников и различима историческая концепция Пушкина⁴. Взгляд Фейнберга, подкрепленный убедительным анализом текста, до сих пор не получил единодушного признания. Совсем недавно он вновь был подвергнут сомнению на том основании, что в своем подготовительном тексте «Пушкин целиком следует Голикову»⁵.

Столь продолжительное сосуществование различных мнений о степени завершенности главного исторического труда Пушкина в немалой мере объясняется тем, что и Фейнберг, и его оппоненты строили свою аргументацию исключительно на анализе подготовительного текста «Истории Петра». За отсутствием материала для сравнения исследователи не ставили вопроса о единстве метода Пушкина-историка в его работе над «Историей Петра» и над другими историческими исследованиями, и в первую очередь над «Историей Пугачева». Сопоставление подготовительных текстов этих двух трудов подтверждает вывод Фейнберга. В обоих случаях перед нами хроника событий, составленная на основе изучения источников, где отбор и группировка материала определены активной творческой волей автора. Конспект перерастает в развернутую программу будущего труда.

Незадолго до смерти Пушкин в разговоре с Д. Е. Келлером так охарактеризовал свои творческие планы, связанные с изучением Петровской эпохи: «Я до сих пор ничего еще не написал,

⁴ *Илья Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4. М., 1964, стр. 3—242.* Первое издание книги вышло в 1955 г., а основные идеи, связанные с осмыслением «Истории Петра», высказаны в печати в 1949 г. («Вестник АН СССР», 1949, № 5, стр. 26—63).

⁵ См.: *Н. Г. Костина. К вопросу об эволюции общественно-политических взглядов Пушкина в конце 1820 — начале 1830 годов.* — В кн.: «А. С. Пушкин. Статьи и материалы». Горький, 1971, стр. 56—57 («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 115).

занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам»⁶. При сопоставлении приведенных слов с тем, что мы знаем о ходе работы Пушкина над «Историей Пугачева», напрашивается вывод, что в планах создания «Истории Петра» резюмирован опыт историка пугачевщины. Пушкин различает здесь три этапа исторического исследования: собирание материала и в ходе его составление «идеи обо всем труде», т. е. выработка концепции и конкретного плана исследования; быстрый (от полугода до года для Петровской эпохи) очерк событий; и, наконец, исправление очерка по документам. Работа над «Историей Петра» остановилась на первой стадии; «История Пугачева» прошла через все три, причем реконструируемый нами подготовительный ее текст соответствует той же начальной стадии труда.

Вот лишь некоторые из записей Пушкина, сделанные при изучении книг Военной коллегии, в которых при внимательном чтении обнаруживается присутствие аналитической мысли поэта-историка, предвосхищающей основные опорные пункты его концепции, позднее сформулированные в «Замечаниях о бунте»:

«Поселенные команды, забыв военные обряды, совсем сделались мужиками.

Помещичьи крестьяне ненадежны» (IX, 619).

При всем лаконизме этой записи здесь, как и во многих последующих заметках, просвечивают два основных тезиса Пушкина — историка пугачевщины: слабость, обнаруженная правительственными войсками в борьбе с повстанцами, и поддержка Пугачева «всем черным народом» (IX, 375).

Конспектируя протокол военного совета, бывшего в Оренбурге в конце сентября 1773 г., Пушкин, в частности, писал: «Сеитовских татар взять в город для защиты (?)» (IX, 618). Вопросительный знак, сопровождающий запись, выдает сомнение историка в истинных побуждениях, вызвавших эту меру. Несколько далее находим заметку, отвечающую на поставленный вопрос: «Татары отказались от службы. Калмыки бегут с форпостов, в Оренбурге волнение» (IX, 621).

Двум приведенным записям соответствуют следующие строки официальных документов: «Сеитовских татар всех взять сюда в город под защищение». «Оных татар небольшое количество со всем их семейством и приехало, а протчие большею частию, не исполня сие повеление остались в своем жительстве»⁷. Первая фраза вызвала у Пушкина законное сомнение, вторая окончательно убедила, что, приглашая сеитовских татар в город, орен-

⁶ Сочинения А. С. Пушкина под редакцией П. А. Ефремова, т. VIII. СПб., 1905, стр. 587.

⁷ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, кн. 1 (1230), лл. 6—7; кн. 2 (1231), лл. 179—197. Цит. по сб.: Р. В. Овчинников. Архивные источники «Истории Пугачева», стр. 10, 291 (Рукопись. Архив ИРЛИ).

бургские власти думали вовсе не об их безопасности. Они имели в виду обеспечить себе дополнительную военную силу и одновременно, залучив семейства татар в Оренбург, отнять у них возможность перейти на сторону восставших.

После ряда свидетельств о несогласованности правительственных действий против Пугачева в сентябре — октябре 1773 г. (ср. IX, 620, 621, 623) Пушкин приводит документы, говорящие о появлении на театре военных действий генерал-майора Кара — первого командующего, избранного Екатериной II для подавления бунта и действовавшего в том же стиле, что и Рейнсдорп. Слова и дела Кара характеризует ряд выдержек из его рапортов. Красноречивый комментарий к ним — запись о поражении этого генерала в первой же битве с Пугачевым и бегство его в Москву:

31 октября. «Опасаясь только того, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег...»

6 ноября. «Услышал я, что бездельник Пугачев с надежными своими разбойниками прижался в угол к устью Сакмаре реке <...> как видно — с намерением бежать Заяицкою степью» (IX, 625).

13 ноября. «...приведенные самарским атаманом 2 Углицкие казака объявили о разбитии Кара» (IX, 626).

И, наконец, 21 ноября. «Кар едет в Москву под предлогом *лома во всех костях* и неимения лекарей, поручив корпус Фрейману» (IX, 625).

Сопоставление этих строк с окончательным текстом «Истории Пугачева» (IX, 29—31) показывает, что по мере того, как разрозненные выписки уступали место связному изложению, в повествование втягивались новые детали, явственнее проступал драматизм происшествий, прояснялась психологическая характеристика Кара. Из перекрестного анализа источников возникала целостная картина событий. Тем не менее основная оценка лиц и происшествий сложилась уже в подготовительном тексте, несмотря на его лаконизм.

Не стремясь исчерпать все многочисленные случаи, когда в первоначальном своде удается проследить идеи и образы будущей «Истории», приведем еще несколько заметок Пушкина, наиболее показательных в этом отношении и характеризующих состав участников и размах народного возмущения:

«Хотя после прекращения бывшего в войске Яицком мятежа и казалось был по-видимому наружный покой, однако последующее время открыло, что тот покой был притворный, а внутренно зломышленный — — — Казаки, забыв свою недавно возобновленную в верности присягу и высочайшее оказанное к ним монаршее милосердие etc.». (Из донесения И. А. Рейнсдорпа Екатерине II от 25 сентября 1773 г.; IX, 627);

«... мордва, калмыки, чувашы и господские крестьяне вообще взбунтовались». (Из рапорта бригадира И. фон Фегезака от 15 декабря 1773 г.; IX, 629);

«По реке Ую и Яйку все селения взбунтовались, а потому все крепости заперты <...> Башкирцы отовсюду нападают, уводят скот и людей, разоряют и жгут селения. Киргизцы в том с своей стороны им подражают». (Из рапорта бригадира А. А. де Фейервара от 20 февраля 1774 г.; IX, 642);

«...злодеи в толпе, состоящей из крещеных калмыков и всякой сволочи <...> 2 января в 5 часов вечера вошли в Ставрополь <...>

В Ставрополе было 249 человек вооруженных, из коих ни один не выстрелил». (Из конспекта рапорта генерала А. И. Бибикова от 2 марта 1774 г.; IX, 642);

«Михельсон был затруднен созданием мостов мужиками и увозом паромов и лодок. Казань была бы спасена, когда хотя бы немного держались». (Из конспекта рапорта генерала Ф. Ф. Щербатова от 22 июля 1774 г.; IX, 657).

Примечательны записи: «У Пугачева все обстрижены по-казацки и все зовутся казаками» (IX, 633); или: «Пугачевым отдан был приказ забирать единственно добро у помещиков, до крестьян же не касаться, или брать за деньги» (IX, 781),— свидетельство того, что Пушкину с самого начала были ясны мотивы, привлекавшие на сторону Пугачева «черный народ». С другой стороны, Пушкин выделяет и тщательно фиксирует материалы, которые говорят о жестокости мер, применявшихся карателями: «Оставших мужиков я всех наказал и привлек к присяге. Из них все виноваты». (Из рапорта полковника Ю. Б. Бибикова от 18 января 1774 г.; IX, 637); «В Оренбурге более 4,000 злодеев под караулом и в Уфе до 1,000 <...> Щербатов дал повеление Михельсону и Уфимскому коменданту Мясоедову не заботиться о их пропитании в случае нужды». (Из рапорта генерала Ф. Ф. Щербатова от 23 апреля 1774 г.; IX, 649).

Определяя анализируемые записи как «помесячные выписи», В. Л. Комарович и последующие исследователи не учитывали, что среди первой же группы заметок за сентябрь 1773 г. мы встречаем приписку, прерывающую извлечения из «Журнала Рейнсдорпа» перечнем:

«Распоряжения Рейнсдорпа, совет и по<стоянное> войско находящее<ся> в Оренб<урге>. [Войско Пугачева], первые [сии] покушения. Губ<ернатор>.— История осады, весь октябрь.— П<етер> Б<ург> Карга<ле>.— Казань,— Распоряж<ения> Бранта — разбитие Кара и бегство оного» (IX, 620).

Эта приписка, напоминающая «соммеры» (перечни содержания глав) будущей «Истории Пугачева»,— одновременно суммирует данные «Журнала Рейнсдорпа» и намечает программу для литературного изложения материала.

В заключение анализа подготовительного текста следует отметить особое значение пушкинской выписки (почти буквальная) из протокола допроса крестьянина А. Кирпллова, открывающей подборку за октябрь и ноябрь 1773 г.:

«В крепости у станичной избы постлашы были *кошмы*, на них стоял стол с хлеб-солью, пред столом стул — а поп стоял с крестом и со святыми иконами по обычаю церковному и как въехал в крепость, начали звонить <...> Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцаловал, сказал: вставайте, детушки — допустил к руке <...> Он с того места поехал обедать к атаманову отцу и обедая выговаривал: Если бы да твой сын был при своей команде, то бы ваш обед был высок и честен. После обеда велел было взять старика с собою к наказанию, говоря: Хлеб-соль твоя помрачилась — и сын твой какой атаман, что место свое покинул? Но бывшие с ним казаки старика от наказания упростили <...> А на берегу Сакмары в сие время повешены 2 чел<овека>, а на другой день 4» (IX, 622—623).

Приведенный рассказ, слегка подвергнув литературной обработке и усложнив отдельными психологическими мотивировками («После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина»), Пушкин ввел в окончательный текст «Истории Пугачева» (IX, 20—21). На нем же основан эпизод прибытия Пугачева в Белогорскую крепость в конце седьмой главы «Капитанской дочки». Воспроизведенные Кирилловым подлинные слова Пугачева с их народно-поэтической окраской явились для Пушкина своего рода стилистическим ключом, камертоном, по которому «настраивалась» речь мужицкого царя. Здесь и песенное, эпическое начало («вставайте, детушки», «хлеб-соль твоя помрачилась»), и образцы лаконического народного красноречия, подчеркнутые и развитые Пушкиным в тексте «Истории» (ср. слова документа: «ты священник и атаман — а если не сыщете, только и жить будете», преобразованные в формулу: «ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечаете мне за них своими головами»). Так уже в подготовительном тексте «Истории Пугачева» складываются черты образа Пугачева, каким он является в «Капитанской дочке».

Сопоставляя подготовительный текст «Истории Пугачева» с аналогичной стадией в разработке «Истории Петра», мы вовсе не настаиваем на их абсолютной тождественности. Каждый из двух главных исторических трудов Пушкина имел свой предмет и свои особые задачи. В работе над каждым из них Пушкин сталкивался с неодинаковым состоянием изучения вопроса и опирался на разный круг материалов. Для «Истории Пугачева» это были по преимуществу архивные первоисточники, «донесения частных начальников, показания казаков, беглых крестьян, и тому подобное,— показания, часто друг другу противоречащие, преувеличенные, иногда совершенно ложные» (IX, 389). Для «Истории Петра» задача первоначального свода разрозненных материалов была отчасти уже решена И. И. Голицыным.

П. А. Вяземский писал о пушкинской «Истории Пугачева»: «Труд его не столько История Пугачевского бунта, сколько военная история этого бунта. Автор свел в одно стройное целое воен-

ные реляции, военные дневники и материалы. Из них составил он боевую картину свою»⁸. Это самоограничение историка Вяземский объяснял «внешними», т. е. цензурными, причинами.

Отправляясь от оценки Вяземского, И. Л. Фейнберг замечает, что в «Истории Петра» «Пушкин имел в виду изобразить эпоху Петра в целом»⁹. Различием предмета и задач, стоявших перед Пушкиным в том и другом случае, можно объяснить отсутствие в подготовительном тексте «Истории Пугачева» обобщающих суждений типа известного пушкинского замечания о разнице «между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами» (X, 256). Тем не менее следует иметь в виду, что подготовительный текст «Истории Пугачева» дошел до нас не в полном виде. Создав на его основе первую редакцию связного текста, Пушкин продолжал пользоваться тем же документальным сводом, утратившим свое первоначальное назначение, но использовал его уже в ином качестве: как «кладовую» материалов, откуда их можно было свободно изымать и включать при формировании наборной рукописи в аппарат «Истории». Некоторые из архивных записей Пушкина, сохранившиеся вне «помесечных выписей», первоначально входили в их состав¹⁰. С другой стороны, обобщения, к которым Пушкин пришел в процессе работы, могли впоследствии «раствориться» в изложении событий или быть использованными позднее при подготовке «Замечаний о бунте».

В последнем отношении особенно интересно следующее место из «архивных тетрадей»: «Военный совет Оренбургский (смотри выше) издал довольно плохой *имянной* указ, к возмущившимся казакам — но оный не подействовал (в ответ на манифест Пугачева).

Татарский лист, посланный в октябре 4-го 1773 в Башкирию от самозванца, весьма любопытен: исчислив все верные

⁸ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1879, стр. 375.

⁹ Илья Фейнберг. Указ. соч., стр. 201.

¹⁰ Иногда в бумагах Пушкина находятяся тому документальные подтверждения. Так, на обложке «помесечных выписей» за август 1774 г. сохранился перечень наиболее значительных из числа входивших в них документов. Поименованные здесь материалы отсутствуют сейчас в составе подборки; они сохранились и печатаются отдельно от «помесечных выписей»: «Указ о Панине» («Именный указ, данный 29 июля 1774 г. Военной коллегии» включен Пушкиным в наборную рукопись «Истории») — IX, 174; «Реестр Крепости и заводы» («Реестр созданным крепостям <...> Заводы») — IX, 784—785; «Роспись войску в Ор(енбургской), Каз(анской), Нижегородской) губерниях» («Ведомость Войскам, находящимся в Ор(енбургской), Каз(анской) и Нижегородской) губерниях») — IX, 786—788; «Оправдания Щербатова» («Рапорт» от кн. Щербатова в Военную коллегию). Август») — IX, 717—718. Другой пример — конспект рапорта Михельсона от 28 марта 1774 г., посвященного сражению при Чесноковке. Его обложка представляет собой характерный фрагмент хронологического свода: «Марта 24. Дело при Чесноковки. От 28 марта. Чернышов и Ульянов пойманы в Табинске...» (IX, 714—715, где при публикации отмеченная нами особенность документа стерта).

службы сих народов предкам его <...> — Отныне я вас жалую землями, водами, рыбными ловли, жилищами, покосами и с морями, хлебом, — *верую и законом вашим*, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем etc. и будьте подобными (в вольности) степным зверям» (IX, 773). Перед нами — противопоставление вялой «публикации» Рейнсдорпа и «народного красноречия» Пугачева, предвосхищающее один из важнейших пунктов «Замечаний о бунте» (IX, 371).

Как особенность подготовительного текста «Истории Пугачева» следует отметить, что, кроме «помесячных выписей», он включал в себя другие группы материалов. Обзорность исторического периода «пугачевщины» позволяла поэту легко соотносить основной документальный свод с конспектами источников, характеризующих не отдельные эпизоды крестьянской войны, а события, охватывающие сравнительно большой временной отрезок (как осада Яицкого городка, Уфы, Оренбурга), или с тематическими подборками однородных материалов («Указы Пугачева и письма Падурова»). Однако обзревая другие группы записей, опубликованные Комаровичем, мы убеждаемся, что они стягиваются к «помесячным выписям» как к объединяющему их центру. Так, только что упомянутые «Указы Пугачева и письма Падурова» имели подзаголовок: «Ноября 4, 5, 16 1773», «Показания Кожевникова» — «Сент<ябрь> 1773» (IX, 692); «Взятие Ильинской крепости» — «20 ноября 1773» (IX, 695). У рапортов, сохранившихся вне помесячных выписей, дата обычно вынесена в заголовок, благодаря чему они легко соотносятся с основным сводом. Опорные даты четко выделены также в конспектах журналов Симонова, Мясоедова и Рейнсдорпа.

Итак, реконструкция и анализ подготовительного текста «Истории Пугачева», созданного между 17 апреля и 22 мая 1833 г., приводят к выводу, что уже на первом этапе работы сказалось четкое представление Пушкина-историка о движущих силах крестьянской войны, о ее предпосылках и о причинах, привлекавших на сторону Пугачева различные национальные и социальные слои населения. Впоследствии его концепция получила всестороннее документальное обоснование, но не претерпела коренной ломки.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО



Издательство «Наука»
Москва 1973